

Максим Горький

Злодеи

Максим Горький

Злодеи

«Public Domain»

1901

Горький М.

Злодеи / М. Горький — «Public Domain», 1901

«Шагая по полю, он думал о том, что, может быть, ему удастся в городе хорошо заработать и, воротясь домой к весне, он женится на Василисе Шамовой. И ему представлялась Василиса – полная, крепкая, чисто плотная. А может быть, он найдёт себе место дворника у хорошего богатого купца и женится уже не на Василисе, а на какой-нибудь городской девушке. Он шёл, а сзади его тихо загорался рассвет, вокруг невидимо исчезали ночные тени, и на снег ложились бледно-жёлтые лучи зимнего солнца. Снег под ногами захрустел веселее и громче, Ванюшка запел песню. Три двугривенных звякали в кармане его штанов, а в голове, под звуки песни, медленно плыли думы и догадки о будущем...».

Содержание

I	5
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Максим Горький

Злодеи

I

Однажды за обедом мать сказала Ванюшке Кузину:

– Шёл бы ты, Ваня, в город!

Ванюшка промолчал. Он чистил горячий картофель, шумно дул на пальцы, сложив губы трубой, и сердито двигал бровями.

Мать посмотрела на его круглое, юношеское лицо, вздохнула и повторила потише:

– Шёл бы, право...

– Пошто? – спросил Ванюшка, перекидывая картофель с руки на руку.

– Возьми топор и поди...

– Много там нашего брата с топорами-то!

– Ну, лопату возьми... Теперь вот скоро погреба набивать станут. Инде дров поколешь, инде что другое... Глядишь, и прокормился бы как-нибудь. Иди-ка, Ваня?

Ванюшке хотелось идти в город, но он не ответил старухе ни слова. В две недели, истекшие со смерти отца, Ванька почувствовал себя человеком вполне самостоятельным. На поминках по отцу он впервые безнаказанно пил водку, а теперь уже ходил по деревне, выпячивая грудь вперёд, озабоченно сдвинув брови, и с матерью разговаривал кратко, отрывисто, подражая в этом отцу...

После обеда старуха занялась починкой своей шубы, а Ванюшка влез на печь и, пролежав с полчаса, спросил мать:

– Денег-то у тебя сколько?

– Рубль шесть гривен...

– Шесть гривен мне дай.

– На что тебе?

– На дорогу.

– Идёшь?!

– Стало быть – иду...

– Ну, вот! Иди-ка, сынок!.. Когда думаешь?

– Завтра.

На рассвете мать благословила его медным образом Николая Угодника, Ванюшка туго подпоясался, сунул за пояс топор, нахлобучил шапку на уши и, хлопнув руками в рукавицах по бёдрам, сказал:

– Пошёл. Прощай!

– С богом, Ваня! Городских-то людей опасайся, – осторожно веди себя с ними – они хитрые! Вино не пей, – гляди!

– Ладно, – сказал Ванюшка и, молодцевато заломив шапку, вышел на улицу.

Было ещё темно. Он отошёл не более десяти шагов от своей избы, а когда обернулся на голос матери, стоявшей у ворот, то уже не видел её во тьме и только слышал слова её, тревожно звучащие в тишине:

– Бабёнок городских... Хворь дурная...

– Прощай! – крикнул Ванюшка.

И тут ему вдруг стало жалко мать, деревню, свою старенькую избу. Он остановился, прислушался... Но было уже тихо, – мать ушла. Вздохнув, пошёл и он навстречу неподвижной, безмолвной тьме, ещё не тронутой рассветом...

Шагая полем, он думал о том, что, может быть, ему удастся в городе хорошо заработать и, воротясь домой к весне, он женится на Василисе Шамовой. И ему представлялась Василиса – полная, крепкая, чисто плотная. А может быть, он найдёт себе место дворника у хорошего богатого купца и женится уже не на Василисе, а на какой-нибудь городской девушке. Он шёл, а сзади его тихо загорался рассвет, вокруг невидимо исчезали ночные тени, и на снег ложились бледно-жёлтые лучи зимнего солнца. Снег под ногами захрустел веселее и громче, Ванюшка запел песню. Три двугривенных звякали в кармане его штанов, а в голове, под звуки песни, медленно плыли думы и догадки о будущем.

Идти было хорошо, легко, нога не вязла на укатанном снегу дороги, морозный воздух глубоко вливался в грудь и наполнял её бодрым чувством, а синяя даль была ласково красива и манила к себе. Иней опушил едва заметные Ванюшкины усы, парень, оттопыривая верхнюю губу, с удовольствием смотрел на неё – усы казались ему длинными и красивыми... Большой, чёрный, как головня, ворон тяжело ходил по снегу в стороне от дороги. Ванюшка свистнул. Но мрачная птица взглянула на него одним глазом и, переваливаясь с ноги на ногу, подошла ещё ближе к дороге. Тогда Иван хлопнул рукавицами, точно выстрелил, но и это не испугало птицу...

– У, дьявол, – пробормотал Кузин и пошёл вперёд скорее.

Около полудён, когда уже было пройдено более половины дороги до города, в поле заиграла метель. То там, то здесь с бугров срывались лёгкие, прозрачные тучки снега, летели куда-то и белой холодной пылью осыпали лицо. Порою прямо из-под ног Ивана вздымалась стая снежинок, точно желая помешать парню идти, а ветер толкал его в спину, как бы торопя вперёд. Даль скрылась в мутных тучах, ветер взвизгивал, касаясь земли, заметал следы и выл протяжно, грустно. Встречные люди и лошади появлялись пред глазами и исчезали, точно камни в воде. Ванюшка закрывал глаза и шёл, качаясь, среди шороха и грустных песен вьюги; в бёдрах у него ломило, ступни отяжелели, он сердито думал о матери: «Сидит там, а я вот – иди!»

А потом так устал, что ему уже и не думалось ни о чём, только хотелось скорее придти в город, отдохнуть в тепле, попить чаю. Согнувши спину, наклонив голову, он шёл, не замечая ничего вокруг себя до поры, пока ни услышал в шуме вьюги унылый рёв фабричного гудка. Он остановился и, выпрямившись, глубоко вздохнул. А потом вытащил из кармана деньги, три двугривенника, и сунул их в рот, за щёку, чтобы они звоном своим не соблазняли городских людей.

Сквозь серый полог снега город был похож на тяжёлую тучу, осевшую к земле. Ванюшка снял шапку, перекрестился и сказал про себя:

«Вот и дошёл!»

II

Когда он вошёл в трактир, – густой, влажный воздух коснулся его лица и, точно тёп-лая, сырая тряпка, стёр со щёк колющее ощущение холода. Сизый едкий дым колыхался под низким сводчатым потолком и щипал глаза; запах водки, табаку и горелого масла щипал в носу; шум и гул в трактире был какой-то мутный, матовый, и от этого голова у Ванюшки приятно закружилась. Медленно пробираясь между столов, он искал себе местечка и не находил. Всюду сидели краснорожие извозчики, испитые, полуголые мастеровые; золоторотцы, одетые в лохмотья, пытливо и угрюмо оглядывали Ивана воровскими глазами. Один из них, высокий, худой, с рыжими усами, подмигнул Ивану и сказал, протягивая руку:

– Здорово, пентюх! Иди сюда!

Ванюшка откачнулся от него и задел плечом какую-то маленькую, круглую девицу. Лицо у неё было ярко румяное и чёрные брови велики, как усы.

– Тише ты, облом! – крикнула она сиплым голосом. В переднем углу трактира, под лампадкой, горевшей у образа, за столом сидел только один человек, Ванюшка подошёл к нему.

– Можно присесть?

– Валяй!

Кузин уселся на стул, расстегнул ворот кафтана и сказал:

– А-яй, много народу!

– Эдакое место не бывает пусто. Из деревни?

– Да...

– Работать?

– Надо бы...

– Плохи тут дела!

– Ну?

– Верно. Третью неделю живу...

– Нет работы?

– То есть – хоть помирай!

Мимо стола быстро мелькнул половой.

– Чайку бы мне? – крикнул ему Ванюшка и стал рассматривать своего собеседника.

Это был парень лет двадцати пяти, одетый в засаленную, рваную женскую кофту на вате. Высокий и худой, он низко нагнулся над столом, точно прятал от людей своё лицо, глубоко изрытое оспой, без усов и без бровей. Порою, быстрым и сильным движением шеи, он вскидывал стриженую голову и беспокойно, как бы догадываясь о чём-то, смотрел на Кузина большими серыми глазами. А когда он заметил, что и Ванюшка упорно рассматривает его, то улыбнулся тонкими губами и вполголоса сказал:

– Пальто было – проел, шапку – проел! Вот сапоги остались...

Он высунул из-под стола длинную ногу в крепком кожаном сапоге и добавил:

– Тоже скоро продам, – променяю!

Ванюшке стало жалко его и больно за себя.

– А может, как-нибудь... – сказал он.

– Где там! Тут нашего брата – как жёлтых листьев осенью. Гляди – сколько народу! И все есть хотят.

– Попьём чайку вместе? – предложил ему Ванюшка.

– Спасибо! Покорно благодарим... Я напился! А... вот кабы по стаканчику?

И он тяжело вздохнул.

Ванюшка пощупал языком деньги во рту, подумал, поманил пальцем полового и важно приказал ему:

- Собери-ка полбутылочки, – на двоих!
- Рябой радостно улыбнулся, но не сказал ни слова.
- Где ночуешь? – спросил Ванюшка.
- Тут, недалеко, – по три копейки. А ты?
- Да я только сейчас пришёл.
- Чего же – будем вместе ночевать!
- Айда!
- Вот и ладно. Тебя как звать-то?
- Иваном... Кузин.
- А меня – Салакин, Еремей...

Они замолчали и, улыбаясь, посмотрели друг на друга. А когда половой принёс водку и Ванюшка налил рюмку Салакину, тот привстал, взял рюмку и, протягивая её Кузину, сказал:

- Ну, выпьем, в знак сошествия нашей дружбы!

Ванюшке очень понравились эти слова. Он молодецки опрокинул рюмку в рот, крякнул и радостно проговорил:

- Вдвоём-то лучше!
- Ка-ак можно!

– Я всего первый раз в город работать вышел. Так, по делам, – бывал, а жить – первый раз, – говорил Ванюшка, наливая по второй.

– Я тоже. До этого всё в поместьях работал. Да вот с приказчиком поругался, он меня и турнул. Собака рыжая!

- А у меня отец умер недавно. Теперь я – сам большой!..

Рядом с ними за столом сидели два ломовых извозчика, оба выпачканные чем-то белым. Они громко спорили, причем один из них – огромный и старый, – ударяя по столу кулаком, кричал:

- Так, значит, его и надо!
- За что? – спрашивал другой, чернобородый, со шрамом на лбу.

– А за то, – он понимает! Какой он работник был? Работники, – они, значит, тесто, хлеб богу! А прочие, которые, значит, неспособные к делу, – они, напримерно, осевки, отруби! Ско-там на корм, – одно, значит, ихнее назначение...

- Все одинаково жалости достойны, – сказал чернобородый.

Салакин прислушался к спору и сказал:

- Неверно.
- Насчёт чего?

– Жалости. Взять хоть бы меня: приказчик Матвей Иваныч – враг мой! Он меня за что рассчитал? Я два года работал, – всё как быть надо! Вдруг он взелся на меня, будто я стряпуху Марью... и всё такое. И будто вожжи – тоже я... Вожжи – они пропали! Ищи! Вдруг он меня – ступай! Как так? Я ему не нужен, а самому себе я очень даже нужен! Мне жить надо! И вот, – могу я его жалеть, приказчика?

Салакин помолчал и с глубоким убеждением выговорил:

- Я могу только себя жалеть и больше – никого!
- Конечно-о, – сказал Ванюшка.

После третьей рюмки они оба облокотились на стол, – лицо к лицу, возбуждённые водкой и шумом. И Салакин длинно, бессвязно и горячо начал рассказывать Ванюшке о своей жизни.

- Я – подкидыш! – говорил он. – Терплю мою жизнь за грех матери...

Ванюшка смотрел на рябое, возбуждённое лицо друга, утвердительно кивал ему головой, и от этого голова у него сильно кружилась.

– Ваня! Требуя ещё полбутылочки! Всё едино! – крикнул Салакин, отчаянно махнув рукой.

Ванюшка ответил:

– М-могу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.